

Гончаров. Фрески

О фресковом подходе к художественному тексту

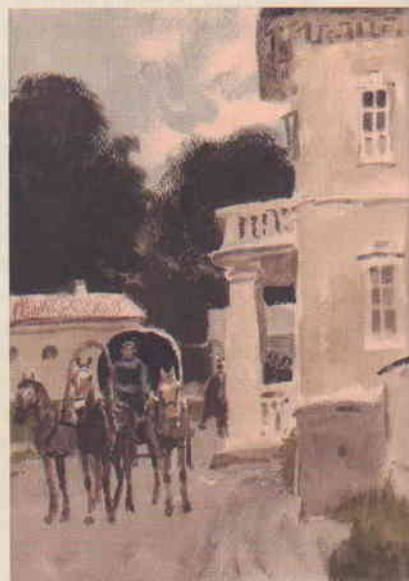
Несколько лет назад я начал выстраивать новую методику подхода к художественному тексту. То, что удалось сделать, я назвал фресковым методом. Или, по-другому, фресковым литературоведением. Попробую немного рассказать об этом своём опыте, оразившемся в книге «Гончаров. Фрески».

Постижение русской литературы обретает сегодня значимость государственной важности. Духовные просчёты общества, подмена истонных ценностных установок, дающих надёжную нравственную опору, переменчивой вкусовщины, потеря элементарных критериев оценки искусства и особенно литературного текста – всё это ведёт к утратам глобальным, к сужению кругозора в поколенном масштабе. Правдиво и смело пишет о положении дел в постижении отечественной словесности молодым читателем Ю.В. Лебедев: «Классика... не развлечение. К ней неприможимы расхожие читательские оценки... Приобщение к высокой литературе – не забава, а напряжённый труд. Если тебе не нравится, например, Некрасов или Гончаров, значит, ты ещё духовно не дорос до них. Сделай усилие, надломи свой эгоизм, свою самоудовлетворённость и самоуспокоенность. Классика ведь никогда не льстит нашему самолюбию, не потакает порокам и слабостям человеческого. Она зовёт человека вперёд...»

Художественный текст, постигаемый читателем-исследователем, так или иначе зовёт к нравственному восхождению, вступает в диалог со своим толкователем. И в творческом процессе этого диалога рождается новое знание о смысловой насыщенности литературного произведения. Не случайно современная наука о литературе всё активнее и результативнее включает в свой обиход наработки смежных дисциплин – читателеведения, музееведения, книговедения, коммуникативистики. Отраднo, что библиотеки и литературные музеи перестают быть сегодня статичными хранилищами книжного и историко-литературного опыта, всё чаще становятся открытыми диалоговыми площадками, форумами, конференц-залами, включаются не только в популяризацию литера-

туры, но и в её глубинную истолковку. И современное литературоведение, когда оно динамично и открыто переменам, успешно взаимодействует с мультиэстетическими явлениями гуманитарного мира. Литература и живопись, литература и музыка, литература и театр неразделимы. Более того, великая сфера естественных и точных наук пересекается с историей литературы гораздо чаще, и ментальный смысл этого пересечения гораздо значимее, чем принято полагать. Можно ли всерьёз изучать роман И.А. Гончарова «Обломов», не имея представления, например, о гениальной опере «Норма» Винченцо Беллини? Или другой пример. Допустимо ли заниматься фундаментальными исследованиями сказки «Конёк-горбунок» П.П. Ершова, не учитывая того обстоятельства, что автор «Конька-горбунка» был учеником отца Менделеева, Ивана Павловича, а впоследствии – наставником его сына, Дмитрия Ивановича, открывшего, как известно, Периодическую систему химических элементов? Таблица Менделеева является миру в 1869 году, в этом же году И.А. Гончаров ставит точку в романе «Обрыв», в этот же событийный год полностью публикуется роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир». Тогда же закладывается фундамент храма Христа Спасителя в Самаре, уничтоженного в 1932-м. И тогда же Россия официально объявляет остров Сахалин местом каторги и ссылки – до героического путешествия А.П. Чехова на остров каторжан остаётся долгих 20 лет.

События литературные, исторические, политические, научные не только взаимосвязаны, но и весьма противоречивы, они смешиваются и напластовываются, отражают столкновение старого и нового, образуют несколько фонов. Однако искать подобную «нелинейную» форму необходимо, поскольку этого требуют вызовы информационного мира, инфор-

Приезд в имение. Ч. 2, гл. 1

Райский и Марфинька. Ч. 2, гл. 3

В статье использованы иллюстрации Петра Пинкисевича к роману «Обрыв», переданные родственниками художника в дар Историко-мемориальному центру-музею И.А. Гончарова

Савицкий и Мурина. Ч. 2, гл. 12

Михаил Бакунин. Ч. 2, гл. 15

Михаил Бакунин и Вукобратов. Ч. 2, гл. 18

мационная плотность тех самых диалоговых звеньев, возникающих при изучении художественной словесности. Этого требует аргумент к восхождению, придающий сегодняшнему отечественному литературоведению интеллектуально-просветительский и духовнообразующий статус.

Возможно, настает время, когда школьнику и студенту, учителю и вузовскому преподавателю, аспиранту и докторанту, просто читателю понадобятся альтернативные парадигматические модели освоения информации. Новые формы учебников и разного рода вспомогательных пособий и практикумов.

И вот как раз фресковый метод – попытка создания одной из таких новых перспективных форм.

Как известно, фреска (от итал. fresco – свежий) – живописная стенная роспись по сырой штукатурке. В традиционных техниках фрески сначала создается фон с помощью особого состава, а позже на этом фоне начинается вестись роспись. Но в чём же смысл метафорического перенесения жанра фрески на структуру и содержание учебно-методического пособия по изучению литературы? И почему именно Гончаров был выбран в качестве объекта исследования? Попробую ответить на эти вопросы.

Фресковый метод в литературоведении, как и в живописи, начинается с создания фона. И при написании книги «Гончаров. Фрески» первой тактической задачей стало моделирование многоплановой фоновой поверхности, совмещение ряда биографических событий из жизни Гончарова с событийной канвой русской действительности 40–60 годов XIX века – времени создания основных гончаровских шедевров. Чрезвычайно важно было при этом опираться не только на «веховые», исторически маркированные события, но и не забывать о «второстепенных» эпизодах истории, о «боковых аллеях», усадебных тропинках и просёлочных дорогах русской жизни. Отличительная черта фресковой исследовательской философии состоит в том, что «магистральное» и «второстепенное» рассматриваются наравне, изначально имеют одинаковый исследовательский потенциал. Для фрескового подхода значима деталь, интересна микропись и нюансировка. Факт, окрашенный субъективным взглядом. Поданный в риторическом клю-

че, способный привлечь внимание, заинтересовать, добавить эмоциональных красок к портрету писателя и времени.

Объясню наглядно. Вот Иван Гончаров возвращается в родной Симбирск в июле 1834 года, успешно завершив обучение в Московском университете. Перед нами информация, которая не годится для фресковой системы. Из различных источников добываем дополнительные сведения: оказывается, молодой писатель хотел произвести на домашних впечатление, показаться дома «стольным франтом» и истратил большую часть денег на платье от лучшего портного. На перекладных лошадей средств не хватило, и ехать пришлось на неуклюжей бричке без ресурса. Вдобавок то лето выдалось жарким и щедрым на грозы, и Гончаров приехал домой совершенно измождённым, о чём не без иронии вспоминал позже. Стандартная информационная строка, чуть-чуть расширенная за счёт обстоятельств и нюансов, превратилась в маленькую, но яркую картину, в историю, которую можно рассказать интересно, занимательно, в зримый эпизод из жизни романиста. Фресковый метод так и работает – он нацелен на воссоздание в максимально сжатой по объёму форме запоминающегося, как бы отпечатывающегося в памяти события. Для фрески существенны, как мы уже сказали, подробности, сопутствующие факту, – время суток, особенности пейзажа, погодные условия, детали одежды. Всё, из чего складывается атмосфера. Или ещё эпизод. В 1862 году писатель назначается главным редактором официальной газеты министерства внутренних дел «Северная почта». Обычно эта информация истолковывается как примета некоего консерватизма Гончарова, его «карьерного взросления», то есть внимание сосредоточивается на социальном политическом портрете романиста. Но если приложить минимальные поисковые усилия, то благодаря разысканиям работников Дома-музея Гончарова в Ульяновске мы узнаём, что в начале 1860-х в жизни Ивана Александровича произошло и ещё одно немаловажное событие – в его доме на Моховой появилась Мимишка, или, по-другому, Миха Трезоровна – маленькая собачка, в которой автор «Обломова» души не чаял. Гончаров признавался в письмах, что если его

любимица захворает, то и номер газеты не выйдет в срок. Данный информационный разворот позволяет увидеть писателя в неожиданном свете. Одна из насущных задач фрескового подхода как раз и состоит в том, чтобы найти нетривиальные изобразительные планы, дать возможность почувствовать писателя и его время живыми. А помочь в этом могут литературные музеи и библиотеки: фресковый подход рассчитан на самое активное интегрирование в учебно-методический и научно-исследовательский процесс фондовой информации литературных музеев и библиотек России.

Фресковый метод не столько констатирует события, фиксирует даты и формулирует оценки, сколько воссоздаёт картины эпохи, литературной истории и непосредственно художественного текста. Если даже относительно подготовленная аудитория услышит, допустим, о «Мариенбадском чуде», то эта информация не возымеет должного эффекта – да, известно, что, находясь в Мариенбаде, автор «Обломова» за короткое время создал «летнюю поэму любви», вдохновенно рассказал о чувствах Ильи Ильича и Ольги Сергеевны. Информация верна, однако лишена того самого «чуда». Мы **не видим** окрылённого труда Гончарова. Но совсем другое восприятие возникнет, если подкрепить изложенные сведения всего лишь несколькими строками письма Гончарова к своему другу и соратнику Ивану Львовскому: «...сизу в её комнате, иду в парк, забираюсь в уединённые аллеи, не надышусь, не нагляжусь. У меня есть соперник: он хотя и моложе меня, но неповоротливее, и я надеюсь их скоро развести... Но теперь, теперь волнение моё доходит до бешенства: так и в молодости не было со мной. Я едва могу сидеть на месте, меряю комнату большими шагами, голова кипит: я бы даже, кажется, мог сочинить что-нибудь... Женщина эта – моё ж создание, писанное конечно, – ну, теперь угадали, недогадливые, что я сизу за пером?» Теперь перед нами не абстракция, а полная жизни картина, образ самого вдохновения, чудесный миг творческого озарения.

В контексте фрескового подхода особым смыслом наполняются цитаты из писем, высказывания, дневниковые записи, фрагменты выступле-

ний, дарственные надписи. Голоса во фресковом мире служат той же цели – создать картину исторического отрезка. Вот начинает свою судьбоносную работу печатный станок Вольной русской типографии в Лондоне, вот завершается 349-дневная оборона Севастополя, и Лев Толстой делает пронзительную, кричащую запись: «Враги видели, что что-то непонятное творилось в грозном Севастополе. Взрывы эти и мёртвое молчание на бастионах заставляли их содрогаться...» Вот на музыкальном вечере у инспектора Петербургского университета А.И. Фитцума встречаются блестящий композитор и пианист М.А. Балакирев и военный инженер, увлекающийся музыкой, Ц.А. Кюи, а чуть позже, на одном из вечеров у композитора А.С. Даргомыжского, друзья познакомятся с М.П. Мусоргским – так возникнет великое содружество в истории русской музыки – «Могучая кучка». Фёдор Достоевский внимательно вчитывается в материалы дела Герасима Чистова, опубликованные газетой «Голос». Пётр Ершов пишет Дмитрию Менделееву из Тобольска в Москву: «Ради ваших атомов, из которых всё и в которых всё, не скупитесь дарить меня Вашими письмами. Если позволите, я сообщу Вам рецепт, который облегчит Вам исполнение моей просьбы. Возьмите почтовый листок и каждый день, отходя ко сну, черкните и мне, что слышно нового. Когда листок наполните... суньте его в конверт и отправляйте Ершову в Тобольск...»

Фрески, представленные в книге, имеют определённую структуру, которая может несколько варьироваться в зависимости от темы. Вероятно, подобная структура с некоторыми дополнениями и модификациями может работать и применительно к другим авторам.

Структура фресок позволяет оперировать информацией разных уровней сложности: например, во фреске «Обломов» новые для себя и полезные для дальнейшей работы с текстом сведения смогут отыскать и студенты вуза, и аспиранты, специализирующиеся на литературе XIX века, и те, кому ещё только предстоит познакомиться с наследием Гончарова.

Фресковая модель ориентирована на практическую работу с текстом. И это очень важно, так как подобным образом восполняется суще-

Тычков. Ч. 3, гл. 2

Вера и Райский. Ч. 4, гл. 8

Вера и Волохов. Ч. 4, гл. 12

Татьяна Маркова. Ч. 5, гл. 14

Павел Власов. Ч. 5, гл. 16

Иван Пырк. Ч. 5, гл. 15

ственный учебно-методический пробел: в большинстве пособий по русской литературе теория преобладает над практикой.

Каждая фреска по-своему отличается от предыдущей или последующей: исследовательскими акцентами, внутренней сюжетикой, научной интригой, характером гипотез, предлагаемых для осмысления и доказывания, наконец, характером пространственности и освещения. Например, фреска, посвящённая роману «Обломов», замкнутая поначалу в скорлупу домашних стен, приглушённая по цвето-световому колориту, обретает яркие световые тона и краски, расширяет свои идейно-пространственные границы, когда речь заходит о «Сне Обломова», увертюре всего романа.

Сердце каждой фрески находится в разделе «Научно-исследовательская мастерская: методология, материалы, инструментарий, задания». Комментированный разбор текста, проводящийся совместно с читателями, – главная задача фрескового подхода. Учиться мыслить в процессе анализа, видеть архитектурные законы, по которым строится художественное целое, находить общее во внешне разрозненных явлениях, учитывать социокультурный контекст эпохи, в том числе возможные переключки автора с другими писателями, – вот некоторые приоритеты текстуального анализа во фресковой научно-исследовательской мастерской. Такой подход, собственно, открывает возможности для **трёхмерного чтения**, позволяющего читателю не пролистывать торопливо страницу за страницей, а погружаться в текст, быть внутри текста.

Исключительно по творческому принципу построены задания, рассчитанные на активное практическое освоение материала. Например, визуализировать, исходя из «подсказок» текста, образ неназванной невесты Александра Адуева и сделать словесный набросок её возможного психологического и социального портрета; завершить, опираясь на текст, план переустройства имения, вынашиваемый Обломовым, и смоделировать его недостающие части; выполнить лингвостилистический и краткий поucherковедческий разбор письма от старосты из Обломовки; отметить на карте Петербурга «обломовские точки», сопоставить их с гончаровскими

адресами и навигировать передвижение героев по городу. Литературоведческая фреска не противостоит тестовой модели, но представляет из себя альтернативный путь изучения литературного материала.

Сам склад гончаровской прозы, её поэтика, её насыщенный смыслами ритм, её символика и, главное, художественная пластичность выражения имеют определённое живописное и, более того, фресковое начало. Гончаров не просто создавал тексты, а, как заметил критик И.Ф. Анненский, «жил и творил главным образом в сфере зрительных впечатлений: его впечатляли и привлекали больше всего картины, поэмы, лица; сам себя называет он рисовальщиком. Интенсивность зрительных впечатлений, по собственным признаниям, доходила у него до художественных галлюцинаций. Вот отчего описание преобладает у него над повествованием, материальный момент над отвлечённым, краски над звуками...»

Хотелось бы надеяться, что фресковая форма окажется плодотворной для исследования и других писателей. Обращаясь к творчеству Гончарова, неизбежно держишь в уме **универсальные возможности** фрескового метода. Фрески Николая Гоголя. Фрески Льва Толстого. Фрески Бориса Зайцева. Фрески Андрея Платонова. В первую очередь, фреска – это, обобщённо говоря, свет, расположение световых лучей, создающих особую динамику и перспективу. А изучение света и освещённости в художественном мире того или иного писателя само по себе весьма и весьма перспективно.

Фресковая организация может оказаться полезной и для теоретических разработок в области жанра, сюжета, композиции и, разумеется, ритма художественной прозы. Был бы очень рад, если бы это начинание оказалось полезным, нашло бы своё продолжение, уточнение, совершенствование в работах коллег, а значит, повлияло бы на сегодняшнее и завтрашнее отношение читателя и исследователя к художественному тексту, к великому чуду – чтению книги.

Иван Пырк,
д.ф.н.,

профессор кафедры русского языка
и культуры речи
Саратовской государственной
юридической академии